

Олег Басилашвили *пи*
родился в 1934 году в
Москве, в старом доме
на Покровке. Квартира
принадлежала его деду
по матери, строившему
храмы и удостоенному
за это звания
«Почетный гражданин
города».

Театральное мастерство
Басилашвили постигал
в Школе-студии МХАТ.
Как подающего
большие надежды его
пригласил к себе
Г. А. Товстоногов,
имевший особое чутье
на актерские таланты.
Недавно петербуржцы
очень тепло отметили
60-летие народного
артиста России. На
юбилейном вечере
звучало немало
приветствий от коллег
из его второго
«творческого дома» —
«Мосфильма», где он
сыграл свои лучшие
кинороли.

Олег
БАСИЛАШВИЛИ

вспоминаю, как однажды мы с Боярским дали концерт-левак в Пулковском аэропорту. По установленным тогда тарифам нам полагалось рублей по сотке на брата, а нам аж по сотне отвалили. Три раза с следователями вызывали. Мы, разумеется, молчали, понимая, что угроза тюрьмы висит не над нами, а над теми, кто по доброте своей эти деньги заплатил. Теперь я езжу куда угодно, и мне платят столько, сколько могут. На днях вернулся из Франкфурта-на-Майне, где выступал с пушкинской программой. Я с ней уже ездил и по России, и в Израиль, и в Америку.

— Почему именно Пушкин?

— К нему у меня особое отношение с детства. Моя мама, Ирина Сергеевна Ильинская, была доктором филологических наук, одним из авторов Словаря языка Пушкина. Я храню и продолжаю пополнять книжную «пушкиниану», которую она собирала.

— Вы говорите, что сейчас появилась возможность зарабатывать, но ведь это дано далеко не всем.

— Об этих людях должно думать государство. Я считаю, что безнравственно ставить в одни стартовые условия полного сил бизнесмена и, условно говоря, академика Лихачева. Ясно, что академик через пять шагов упадет. Ну а поскольку правительству на эти проблемы наплевать, этим должны заниматься все те, кто способен что-либо сделать. Когда я еще

люции, когда звание потомственного почетного гражданина давало право на дворянство и на землю. Знаменитые меценаты, строители больниц и храмов отнюдь не были такими уж бесребренниками, они сизмальства стремились к получению этого звания. По-моему, традицию надо восстанавливать. Она оживит нашу жизнь и поднимет в обществе уважение к культуре.

— Я знаю, что вы возглавляете Фонд имени Николая Симонова. Чем он занимается?

— Это благотворительный фонд, созданный для оказания поддержки деятелям культуры Петербурга. У нас есть спонсоры, с их помощью мы провели два вечера — Максимовой и Васильева и мой юбилейный. Поскольку на такие вечера ходят люди определенного достатка, заработали приличную сумму денег. Она пойдет на издание книги о Симонове. Кроме того, мы проводим различные благотворительные акции, выплачиваем несколько стипендий студентам театрального института.

— Я обратил внимание, что на юбилее среди прочих достоинств нередко упоминались ваши качества семьянина. Расскажите немного о своих близких.

— Моя жена Галина Евгеньевна Мшанская многие годы работает на телевидении, выпускает музыкальные передачи. Ее мама Ольга Феликсовна была известной певицей Мариинского театра, пела вместе с Шаля-

«Я Шекспира терпеть не могу: его пьесы холодны, как собачий нос»

— Олег Валерианович, вас потянуло в политику оттого, что на сцене не реализовывались гражданские настроения?

— Они и не должны там реализовываться. Театр вообще не место для политики. Нам повезло, что театром руководил Товстоногов, умевший лавировать, пробираться между политическими струйками. Конечно, когда очень припирало, он мог поставить спектакль, нужный обкому партии, но такое случилось редко.

— Сегодня ваш театр, насколько я понимаю, держится на плечах блестящих актеров товстоноговской плеяды.

— Отчасти верно. Заменить Товстоногова, конечно, нельзя, но мы ищем, мы надеемся, что придет такой человек, который сумеет взять на себя его обязанности. Не исключаю, что для этого он должен будет разрушить наш нынешний театр и создать нечто совершенно иное. Но большинство нынешних премьер мне нравится, особенно «Мещанин во дворянстве», сыгранный нашей молодежью. Близок мне поставленный рижским режиссером Адольфом Шапиро «Вишневый сад», где я играю Гаева.

— Товстоногов обладал великим даром точно находить пьесу, созвучную настроению общества. Почему он не поставил «Гамлета»?

— Есть режиссеры, которые всю шекспировскую композиционную сложность и многос-

ловность умеют свести к чему-то весьма простому и легкому. Он такой способности в себе, наверное, не ощущал, да и актера на главную роль не видел.

— А вы бы не рискнули?

— Боже упаси! Я Шекспира терпеть не могу и вообще считаю, что он — фигура надуманная. Человечество очень желало иметь гения, вот оно себе его и создало. Например, никак не могу понять смысл «Короля Лира», не представляю, почему я должен внимать реву полусумасшедшего параноика и тирана и его жалеть? Что касается «Гамлета», то мне довелось видеть самого Пола Скофилда, и, признаюсь, никакого впечатления не осталось. Это холодное, как собачий нос, искусство. Хотя есть у Шекспира вещи неплохие — комедии или, скажем, «Юлий Цезарь», пьеса о власти.

— Вас эта тема привлекает?

— Весьма. Поэтому я всегда с огромным удовольствием играю в нашем спектакле «Салемские колдуньи». Для меня проблема власти, стремления к ней заключается прежде всего в проявлении комплекса неполноценности, внутренней неадекватности личности. Невозможно представить себе, что к власти стал бы рваться... ну, скажем, Чехов.

— Если подходить с чеховских позиций, то какой диагноз вы могли бы поставить нашему обществу?

— Знаете, что бросается в глаза, когда возвращаешься из-за границы? Хамство, всеобщее

и всепронизывающее. Причем чаще всего неосознанное. Едешь в трамвае, вдруг подходит к тебе человек: «Я вас узнал!» Ну и ради Бога, стой себе спокойно. Зачем тебе автограф на спичечном коробке, который ты завтра же выбросишь?

Отсутствие культуры — наша даже не беда, а трагедия. И очень страшно, что те, кто сегодня находятся у власти, непробиваемы. Не понимают, что только культура определяет величие народа и государства. О каком возрождении нашей страны можно говорить, если большинство людей, работающих в этой области, живет на грани бедности?

— Вы испытываете материальные трудности?

— Если бы не было побочных заработков, пришлось бы туго. У меня зарплата 220 тысяч, а осенью была и вовсе 120. Я на своем юбилейном вечере даже пошутил — лучше бы вы, ребята, вместо вороха цветов живые деньги мне дали, я бы себе хоть штаны новые купил.

— А как же привилегии «народного»?

— Я с ними боролся и их лишился. Считаю, абсолютно правильно. С какой стати я должен был их получать, если однажды некий чиновник включил меня в особую «Табель о рангах». Почему я должен был иметь почти бесплатный загородный дом, плюс бесплатное лечение, плюс льготы на квартплату и прочее? Теперь у меня этого нет, зато есть другая возможность — свободно, без оглядки, зарабатывать. С ужасом сейчас

работал в Комиссии по культуре ВС, нам удалось установить пенсии в десять минимальных окладов таким выдающимся людям, как Уланова, Свиридов, Рихтер, Покровский.

Есть у меня давнишняя идея, и я надеюсь пробить ее через нынешнюю Думу. Какое-то время назад с моей легкой руки в Петербурге ввели звание «Почетный гражданин города». Для ученых, писателей, художников, артистов. Но просто звание мало, оно должно быть чем-то подкреплено. Я предлагаю давать людям, его получившим, надел земли. Бесплатно. Пусть поступают с ним, как хотят. Строят усадьбу и что-то выращивают, сдают в аренду фермерам, продают наконец. Главное, они получают возможность не думать о куске хлеба, они это заслужили. Так было до рево-

люции и Собиновым. У меня две дочери. Ольга окончила театральный, сейчас директор телевизионной программы. Ксения — будущий филолог.

— Вопрос традиционный для беседы с актером: что хотелось бы сыграть?

— Покажется странным, но я никогда не мечтал сыграть какую-то определенную роль, я всегда мечтал участвовать в спектакле, который согрел бы человеческую душу. Кого играть — дело второе. Но теперь у меня мечта появилась: царь Федор. Хочу сыграть трагедию человека, который всех хочет примирить, все сгладить, а вокруг него ложь, насилие, политические интриги. Для сегодняшней России — это, согласитесь, тема.

Гостя принимал
Александр НИКОЛАЕВ.

Кадр из фильма «Вокзал для двоих». 1983 г.